

Клиффорд Джон

15.04.04

газета — 2004 — 15 апр — с. 13

“если бы Баланчин мог, он бы оставил танцовщиков голыми”

Юбилейный вечер Джорджа Баланчина в Мариинском театре стал заслугой двух американских репетиторов, Джона Клиффорда и Колин Нири — в прошлом солистов New York City Ballet (NYCB). С Джоном Клиффордом, танцовщиком и хореографом, в юности — протеже Баланчина, а ныне одним из ведущих возобновителей его балетов, перед премьерой встретилась Мария Ратанова.

Вы пришли в New York City Ballet в 1966 году. Насколько труппа Баланчина в то время была популярна в Нью-Йорке?

О Боже, еще как популярна! В Нью-Йорке тогда было две лучшие и наиболее известные балетные труппы — NYCB и Американский театр балета (ABT). В те дни, в отличие от сегодняшнего, это были две очень различные труппы, с очень разным подходом. ABT показывали «Лебединое озеро», «Жизель», а NYCB строил репертуар исключительно на балетах Баланчина и Джерома Роббинса.

Баланчин сильно повлиял на вас как на хореографа?

Очень сильно! Я думаю, практически каждый современный хореограф находится в той или иной степени под влиянием Баланчина. Возьмем хотя бы «Четыре темперамента», которые Баланчин поставил в 1946-м. Этот балет впервые по-настоящему порвал с традицией — больше, чем «Аполлон» или «Блудный сын». Потом Баланчин еще раз сломал традицию, когда поставил «Агон».

Что именно вы имеете в виду под ломкой традиции в этих балетах?

В первый раз был поставлен чисто абстрактный балет! В «Четырех темпераментах» Баланчин сделал действительно странные вещи в хореографическом смысле. Он использовал человеческое тело так, как его никто раньше не использовал. Я имею в виду то, как юноши держат девушек в дуэтах. Роль кордебалета исключительно необычна. «Четыре темперамента» открыли перед балетмейстерами возможности, о которых они раньше и подумать не могли. Это как Пикассо в живописи или Стравинский в музыке. Баланчин был первопроходцем.

«Четыре темперамента» — первый балет, который Баланчин «раздел», оставив только черные купальники. Получился черно-белый балет, что производит гораздо более сильное впечатление и делает его балетом вне времени. Наверное, если бы он мог, он бы вообще оставил танцовщиков голыми.

Кто, на ваш взгляд, больше всего повлиял на Баланчина?

Стравинский. Баланчин боготворил Стравинского, добавившего музыкальную изощренность в свои балеты. Очень часто в них артисты танцуют ритм, который вы не слышите в музыке, но тем не менее это ритм, продиктованный партитурой. Баланчин знал музыку лучше, чем любой другой хореограф. И в большей степени, чем другие хореографы, он ощущал за спиной огромную традицию маринского балета. Он привез в Америку всю эту великую историю — из Петербурга и от Дягилева. А Америку он обожал, американское кино, американские танцы: Фред Астер, Джинджер Роджерс...

А как это отразилось на его балетах?

Очень сильно. Баланчин всегда говорил артистам, что лучший танцовщик в мире — это Фред Астер. Мне понадобилось какое-то время, чтобы понять, что он имел в виду. У Астера великолепная техника — конечно, в степе. Но у него был еще стиль. И элегантность. И шик. По мере того как я становился старше и смотрел больше фильмов с Фредом Астером, я понимал, что у него было еще и невероятное чувство ритма. Синкопы, которые у него так часто встречаются, — это же чистый Баланчин! Потому что он отстукивает свой степ «вокруг» ритма, хотя и абсолютно в ритм! Поэтому когда Баланчин ставил дуэты, он говорил танцовщикам, что они должны быть такими же партнерами в дуэте, как Астер. Он говорил: не надо хватать девушку, держите ее за руку, как Фред Астер держал руку Джинджер Роджерс. То же самое я говорил танцовщикам в Мариинском, когда репетировал «Вальс» Равеля: вы должны едва касаться партнерши.

У них получилось?

Конечно. Просто они об этом никогда раньше не слышали. Это совершенно другой способ партнерства, другой подход. Вот это и есть Фред Астер. И это то, что Баланчин у него позаимствовал.

Стал ли Баланчин настоящим американцем в Нью-Йорке?

Нет, он был «обращенным» американцем. Не настоящим. Даже несмотря на то, что он, например, обожал вестерны. Он был подлинным космополитом — и нью-йоркцем, и парижанином тоже. Но оставался по-настоящему русским в душе. И даже когда его называли русским, он поправлял, что он — петербуржец, и очень гордился этим. Но он любил Америку, потому что Америка дала ему свободу.

Как его приняли в Америке?

Сильно критиковали. Когда Баланчин только приехал в Америку, в начале 1930-х, критик газеты «Нью-Йорк Таймс» Джон Мартин его просто возненавидел. Ему, очень влиятельному критику, не нравилась даже «Серенада»! Он говорил, что она выглядит слишком по-французски, и предлагал отправить Баланчина обратно в Париж. Мартину понадобилось лет десять, чтобы все-таки признать, что Баланчин лучший хореограф в Америке.

А что еще интересовало Баланчина, когда он приехал в Нью-Йорк? Визуальное искусство, например?

Баланчин был большим любителем книг. Он очень интересовался наукой, читал про физику, квантовую механику и про многое в этом роде. И в то же время он оставался мистиком, вышедшим из русской православной церкви. Но главное, он питал огромное уважение к композиторам. И очень часто говорил, что после смерти он навер-

няка всех их снова встретит. Это побуждало его быть честным и всегда работать с музыкой настолько хорошо, насколько он умел. Он оказался настоящим фанатиком в этом смысле, всегда безжалостно носился к хореографам, которые не питали достаточного уважения к музыке. Что касается визуальных искусств, то я познакомился с Баланчиным в середине 1960-х, и к тому времени он уже был пресыщен. Он столько всего видел, что удивить его чем-то новым было крайне трудно.

красное?» Художник изумился: «Но, мистер Баланчин, вы же сказали...» На что Баланчин глубоко вздохнул: «Может быть, я и сказал «нарисуйте все в красном», но это не значит, что я действительно имел в виду делать все только в красном!» Иногда он мог так поступить, но никогда не был жестоким и никого не оскорблял. Главное, что его отличало, — он был в высшей степени дисциплинированным человеком. Труппа NYCB стала его семьей. И он держал себя с ней как сильный отец.

Джон Клиффорд — Газете

Джон Клиффорд: «Баланчин всегда говорил артистам, что лучший танцовщик в мире — это Фред Астер. Мне понадобилось какое-то время, чтобы понять, что он имел в виду» Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Расскажите о темпераменте самого Баланчина.

Очень сдержанный, ровный, спокойный...

Но ведь он был грузином!

Да, он был настоящим восточным человеком: невозмутимым, никогда не показывавшим свои эмоции. Хотя умел смеяться и иногда отпускал очень колкие шутки. Мог даже быть вульгарным, но никогда не злобным. Временами он бывал даже очень наивным, чистым, какими бывают дети. А иногда ставил людей в тупик своей противоречивостью: один день говорил одно, другой — другое. И уличить его в этом было очень трудно. Например, он ставил балет на музыку Глинки, и там была испанская часть на мелодию «Арагонской хоты»; он попросил дизайнера Эстебана Франсиса выдержать все декорации в различных оттенках красного. Когда художник принес эскиз, Баланчин в ужасе спросил: «Почему у вас здесь все кругом красное, только

Было ли трудно с ним работать?

У некоторых танцовщиков были проблемы. Однако у большинства — нет. Потому что в своих требованиях он был предельно ясен. И всегда предельно любезен. Его уроки оказывались исключительно тяжелыми, технически трудными. Выходя из класса, мы просто умирали от усталости. Но это была в высшей степени продуманная техника: в те годы у нас практически не бывало травм. Мы давали двести пятьдесят представлений в неделю. Это больше, чем показывает в год любая другая балетная труппа — даже сегодня.

Известно, как трепетно Баланчин относился к своим балеринам, дарил им духи, давал советы, как одеваться, — а какие у него были отношения с мужской частью труппы?

Другие. У него практически не завязывалось никаких личных отношений с мужчинами в труппе. Баланчин даже не был дру-

жен с Линкольном Керстайном, который привез его в Америку. Но Баланчин уникален как джентльмен. Например, когда он ставил что-то новое, он спрашивал артиста: «Не хотите ли вы танцевать в моем новом балете?» Это было потрясающе. Как единовластный руководитель, он ведь мог делать что угодно — но он никогда не ставил артистов перед фактом, он вежливо предлагал. Никто, конечно, не отказывался. Поэтому танцовщики всегда так комфортно чувствовали себя в его труппе: он показывал им, что он их уважает. Со мной однажды вышла смешная история. У нас была премьера «Третьей сюиты» Чайковского, где я не был занят. Накануне случилась вечеринка, где я хорошо выпил. На утреннем уроке я был совершенно зеленый. И тут вдруг подходит мистер Би и очень вежливо говорит: «Простите, я совершенно забыл вас спросить, не хотите ли вы сегодня танцевать в моем балете?» Репетиция начиналась сразу после урока! Я молился целый день, чтобы он не слишком перегрузил мою партию технически. Я танцевал в «Скерцо», один с тридцатью шестью девушками, и партия была вся построена на прыжках.

Существовала ли ревность в труппе из-за того, что мистер Би поставил новый балет на того, а не на другого танцовщика?

Да, конечно. Но... who cares? Не все ли равно? Балет — это жестокий мир. И потом — репертуар был таким огромным! Баланчин старался что-то поставить для каждого.

Произошло ли что-то особенное в эти восемь лет, пока вы танцевали в NYCB?

Во-первых, в 1972-м был большой фестиваль Стравинского. А во-вторых, это были годы, когда Джером Роббинс вернулся в труппу. Я много танцевал в его балетах. Но вот он как раз бывал грубым с артистами. Абсолютная противоположность Баланчину. И Баланчин говорил мне: «Тебе будет полезно поработать с Роббинсом. (Я думал: почему?) Потому что ты научишься, как не надо обращаться с людьми».

газета

наученный Баланчиным

Джон Клиффорд пришел в New York City Ballet (NYCB) в двадцать лет, по приглашению Баланчина, где сразу стал ставить балеты, одновременно преподавая в Американской балетной школе. Репертуар Клиффорда в NYCB включал свыше 45 ведущих ролей. Он был первым исполнителем в «Сюите № 3» Чайковского, «Сонате» и «Концертных танцах» на музыку Стравинского. С 1974 года — руководитель и хореограф Los Angeles Ballet, где поставил балеты «Золушка», «Спартак», «Щелкунчик», гала-концерт на музыку Гершвина. Сотрудничая с Фондом Баланчина, Джон Клиффорд возобновляет балеты Баланчина во всем мире.